

А. А. Златопольская

Идеи «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917)

Жан-Жак Руссо. «Женевский гражданин» по происхождению, представитель французского Просвещения и его критик, противопоставляющий природу просвещению и культуре, сторонник народовластия, права народа на свержение несправедливого правления и в то же время историософ, крайне пессимистически относящийся к перспективам развития человечества, писатель, показывающий сложность и противоречивость человеческой природы, и мыслитель, считающий необходимым противопоставлять страстям долг.

«Руссо! Руссо! Память твоя теперь любезна человекам; ты умер, но дух твой живет в “Эмиле”, но сердце твое живет в Элоизе...»¹ — писал Карамзин в 1794 году. В 1865 году Герцен отмечал: «Мы так же пережили Руссо и Робеспьера, как французы»².

Казалось бы, писатель и мыслитель XVIII века далек от проблем века XX. Однако для Л. Н. Толстого: «Руссо и Евангелие — два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь. Руссо не стареет»³. А мыслитель, чьи воззрения далеки от толстовских, Д. Философов отмечает в статье, написанной к юбилею Руссо в 1912 году: «Для русских Вольтер интересен как

¹ *Карамзин Н. М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Наст. издание. С. 141.

² *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 17. С. 322.

³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 75. С. 234.

родоначальник поверхностного, несвойственного русской душе “вольтерьянства”, мода на которое царила среди наших бар-крепостников Екатерининского времени. Самые темы Вольтера не русские. Наоборот, тема Руссо — подлинно русская. Руссо искал не бескорыстной холодной истины, а правды и справедливости. В истории русской мысли Руссо следует отвести почетное место... Для нас Руссо дорог не как француз, а как “всецеловек”... Нам совершенно незачем впихивать Руссо в историческую среду, класть его на определенную полку, потому что вся русская литература разрабатывала, в конце концов, темы Руссо. “Исповедь савойского священника” для нас не момент в истории религиозной мысли, а сегодняшняя, волнующая нас тема. “Рассуждение о неравенстве людей” — не сочинение, написанное на соискание премии Дижонской академии, а заветная дума всей русской интеллигенции.

Без особых усилий мы можем представить себе Руссо, спорящего в кругу петрашевцев. Нас не удивило бы, если бы он подсел к столу в грязном трактире, где Алеша и Иван Карамазовы спорили о Боге под звуки “Травиаты”. Вероятно, Пьер Безухов и Платон Каратаев рады были бы иметь Жан-Жака своим товарищем по плену. Но разве можем мы себе представить в такой обстановке Вольтера?⁴

Начиная с XVIII века концепция Руссо рассматривалась в этико-антропологическом плане, как решающая проблему человека, человеческого счастья и достоинства (в тесной связи как с проблемой нравственного самосовершенствования, так и с проблемой совершенствования общества), а сам Руссо зачастую рассматривался как образец человека, воплощение правды-истины, нравственный идеал. Символична гравюра, помещенная на фронтиспise одного из русских изданий Руссо. Портрет Руссо сопровождается его девизом, словами из четвертой сатиры Ювенала «*vitam impendere vero*»⁵, а также изображением фонаря, с которым Диоген искал человека, и надписью «найден».

В разные исторические эпохи воспринимаются различные грани и аспекты концепции Руссо, восприятие идей Руссо и зависит от общественного и духовного климата страны и в то же время является одной из значимых характеристик этого климата. Парадоксальность воззрений «женевского гражданина» отмечается уже в первых оценках его произведений. Не принимает

⁴ *Философов Д.* Жан-Жак Руссо // Наст. издание. С. 396–397.

⁵ Посвятить жизнь истине (*лат.*).

«Рассуждение о науках и искусствах» В. К. Тредиаковский в своем «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели», опубликованном в 1752 году⁶. В письме Исаака Веселовского М. Л. Воронцову по поводу «Рассуждения о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо мнение «женевского гражданина» о науках и художествах характеризуется как «совсем парадокс»⁷. И.-Г. Рейхель в одном из первых печатных отзывов на перевод произведения Руссо, отмечает, что «его сочинения доводами мнимо противоречущими изобилуют»⁸. Руссо нередко представляется двуликим Янусом. Прекрасно выразил эту дилемму Пушкин, для него Руссо одновременно и «красноречивый сумасброд», и «защитник вольности и прав».

Конец XVIII — первая четверть XIX века — время активного усвоения и переработки идей французского Просвещения, в

⁶ *Тредиаковский В.* Слово о мудрости, благоразумии и добродетели // Наст. изд. С. 71–74. На данный отзыв В. К. Тредиаковского, как на наиболее ранний отклик на произведение Руссо, обратила внимание О. А. Крашенинникова, которая опубликовала его с небольшими купюрами в сборнике «Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762)» (Вып. 2. М., 2003. С. 294–299). Впервые напечатано: *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 2. С. 294–299.

⁷ *Веселовский И.* Письмо М. Л. Воронцову // Наст. изд. С. 75. Впервые напечатано: Письма к Вольтеру / Публ., ввводные статьи и примечания В. С. Люблинского. Л., 1970. С. 221. Благодарю Н. А. Копанева за сообщение о данной публикации.

⁸ *Рейхель И.-Г.* Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Вольтеру «о поэме Вольтера «О разрушении Лиссабона» // Наст. изд. С. 77.

частности идей Руссо. Как же воспринимались идеи «жениевского гражданина» в ином культурном контексте, в иных исторических условиях?

Казалось бы, концепция суверенитета народа, выдвинутая Руссо, в XVIII веке должна вызвать неприятие у дворянских идеологов. И действительно, например, Екатерина II резко отрицательно относилась к теориям «жениевского гражданина». Однако в целом отношение к Руссо в среде дворянских мыслителей второй половины XVIII века до французской революции было положительным. Сложилась своеобразная интеллектуальная мода на идеи Руссо. В рамках интеллектуальной моды наиболее радикальные идеи воспринимаются таким образом, что входят в сложившийся мировоззренческий багаж, не меняя его кардинально, т. е. воспринимаются, во-первых, выборочно, а во-вторых, интерпретируются так, что становятся частью установившейся системы воззрений. В то же время под влиянием этих идей в воззрениях дворянских мыслителей появляются либеральные или даже демократические мотивы.

Говоря о влиянии того или иного учения, необходимо определить характер этого влияния, его источники. Идеи могут восприниматься прямо, т. е. из первоисточника, но могут и косвенно, т. е. из других источников или в рамках идейной традиции. Если в XVIII веке идеи Руссо воспринимались непосредственно из его произведений, то уже в начале XIX века источник восприятия — не только произведения «жениевского гражданина», но и сочинения его последователей, например Вейсса, деятелей французской революции. Когда идеи того или иного теоретика воспринимаются в рамках идейной традиции, т. е. либо через идейный климат предыдущей эпохи, либо через цепь восприятия данных концепций мыслителями последующих поколений, они зачастую воспринимаются неосознанно, вклад мыслителя в данную идейную концепцию может не замечаться. С восприятием концепций в рамках идейной традиции сходны идейные совпадения.

В XVIII веке произведения Руссо пользуются большой популярностью, выходит много переводов. В это время были переведены и напечатаны практически все главные произведения Руссо⁹. Из трактатов Руссо были опубликованы двумя издания-

⁹ Библиографию переводов произведений Руссо и литературы о нем XVIII — первой четверти XIX века см.: Златопольская А. А. Жан-Жак Руссо в России XVIII — первой четверти XIX в. (Библиогра-

ми в переводе П. Потемкина «Рассуждение о науках и искусствах» (в 1768 и 1787 годах) и «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми» (1770 и 1782 годы), причем вторые издания этих трактатов были напечатаны в Университетской типографии у Н. И. Новикова («Рассуждение о науках и искусствах» было издано еще раз в 1792 году в переводе Юдина). Трижды переводилась близкая по своей проблематике к «Общественному договору» статья «О политической экономии» (в 1767, 1777 и в 1787 годах), в 1771 году издано «Сокращение, сделанное Ж.-Ж. Руссо из проекта о вечном мире, сочиненное аббатом де Сент-Пьером». Кроме того, издавались сборники отрывков из произведений Руссо. В XVIII веке это «О блаженстве» (М., 1781). В XIX веке были опубликованы «Мысли Ж.-Ж. Руссо о различных материях» (СПб., 1800–1801), «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо» двумя изданиями 1801 года и 1822 года, а также «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевого философа» тоже двумя изданиями, 1804 и 1825 года. Активно издавались отрывки из произведений Руссо и его письма в журналах той поры. В частности, одной из первых публикаций было «Письмо Руссо к Вольтеру», посвященное поэме Вольтера «О разрушении Лиссабона» («Собрание лучших сочинений», 1762, Ч. IV)¹⁰. Уже в XVIII веке были опубликованы отдельной книгой знаменитые письма Руссо к Мальзербу («Новые письма Ж.-Ж. Руссо». СПб, 1783). По распоряжению Екатерины II был запрещен ввоз в Россию «Эмилия» по религиозным мотивам, однако в XVIII веке перевод «Исповедания веры савойского vicария» вышел в свет без указания имени переводчика под названием «Размышление о величестве божием, его промысле и человеке». Предположительно переводчиком являлся С. Башилов. Таким

фический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 209–239.

¹⁰ Вообще первой выявленной публикацией Руссо на русском языке в настоящее время можно считать перевод письма Руссо к аббату Рейналю (июнь 1753) (Письмо господина Руссо из Женевы к сочинителю Меркурия Французского // Санкт-Петербургские ведомости. 1753. 10 дек. № 99). Данное письмо посвящено частному вопросу о вреде медной посуды. Руссо доказывает, что медь так же вредна, как и свинец. Автор статьи выражает искреннюю благодарность Н. А. Копаневу за указание на данную публикацию. Атрибуция и датировка письма см.: *Rousseau J. J. à l'abbé Guillaume Thomas-François Raynal [juin 1753]* // *Rousseau J. J. Correspondance complète. Genève, 1965. T. 2. P. 221–224.*

образом, все основные философские и социально-политические произведения Руссо были переведены, издавались и переиздавались. Тем не менее в этом списке нет печатного перевода «Общественного договора», и, как мы увидим, это не случайно. «Общественный договор» не издавался при Екатерине II, которая относилась к «женевскому философу» резко отрицательно. Однако и после ее смерти перевод «Общественного договора» не появился в печати. Стихотворение В. Попугаева под названием «Ода на пропуск “Contrat social”» было вычеркнуто из сборника «Минута муз» цензором¹¹. Однако в начале XIX века появляются опубликованные отрывки из «Общественного договора» в сборнике «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевского философа», отрывки, имеющие республиканский характер. И сборник «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо» (перевод И. Мартынова, СПб., 1801; 2-е издание. СПб., 1822), и сборник «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевского философа» (перевод М. Прокоповича. М., 1804; 2-е издание. 1825) являются переводами из издания «Les pensées des J. J. Rousseau, citoyen de Genève» (Amsterdam, 1763), однако и в том и в другом русском переводе воспроизведен не весь амстердамский сборник. В сборнике «Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевского философа» появляются отрывки из «Общественного договора» по следующим темам: «Народы», «Правительство», «Государь и государство», «Законодатель», «Закон», «Деспотизм», «Свобода», «Зависимость», где излагается основное идейное содержание «Общественного договора» — учение о договоре ассоциации и суверенитете народа. В связи с этим в сборнике появляются явные антимонархические, республиканские мотивы, в частности, цитируется характеристика, данная «женевским гражданином» монархии в сравнении с республикой: «Стоит только взглянуть на гордость дворян в монархических правлениях: с каким напряжением произносят они сии слова *услуга* и *служить*... Сколько они презирают Республиканцев, которые только пользуются одной Свободою, и кои подлинно благороднее их»¹². Однако эти отрывки опубликованы только в начале XIX века, и то только в одном из сборников отрывков из произведений Руссо. В другом сборнике, также являющемся переводом амстердамского издания, сборнике «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо», переводятся отрывки из «Эми-

¹¹ См.: Поэты-радищевцы. М., 1935. С. 788.

¹² Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевского философа / Пер. М. Прокоповича. М., 1804. С. 183.

ля», а из «Общественного договора» переводятся максимы, не противоречащие учению Монтескье о монархии как о государстве, основанном на *чести*, где должно быть сильное дворянское сословие. Поэтому автор перевода (И. Мартынов) из «Общественного договора» выбирает следующий отрывок, характеризующий руссоистское отношение гражданина и государства, отрывок, который можно интерпретировать в системе координат государственного служения и дворянской чести, главной характеристикой которой и является это государственное служение: «Человек естественный живет весь для себя: он есть числительная единица, целое, имеющее отношение только к самому себе или подобному себе. Человек гражданский есть дробное число, зависящее от знаменателя, которое есть общественное тело. Хорошие общественные учреждения суть те, которые умеют наилучшим образом переменить человека, отнять у него независимое бытие, дабы дать ему относительное и перенести я в общую единицу, так чтобы каждый частный человек не почитал уже себя одним, но частью единицы и был бы только ощутительным в целом»¹³. Такое понимание соотношения гражданина и государства характерно для русской мысли не только в XVIII веке, как мы увидим в дальнейшем. Хотя в XVIII–XIX веках «Общественный договор» не публиковался, он был хорошо известен, читался в подлиннике. Имели место и рукописные переводы «Общественного договора». Отрывок из такого перевода, хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, публикуется в настоящем издании.

Идеология и политика «просвещенного абсолютизма» явилась катализатором живого обсуждения вопроса о пределах и источниках власти монарха, об общественном договоре, чему способствовало восприятие политических и социальных идей Руссо, идей «Общественного договора», воздействие этого произведения.

Можно выделить две интерпретации понятия общественно-го договора.

1) Общественный договор как договор подчинения народа правителю. Законодательная власть при этом принадлежит правителю. Народ не имеет суверенитета.

2) Интерпретация общественного договора как договора ассоциации, договора народа с самим собой. Законодательная,

¹³ Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо / Пер. И. Мартынова. СПб., 1801. С. 33.

верховная власть при этом полностью принадлежит народу. Такое понимание общественного договора характерно для Руссо.

Понимая общественный договор как договор подчинения, многие представители русской мысли, несмотря на знакомство с просветительскими идеями, традиционно рассматривают власть монарха как неограниченную, самодержавную. Государство сравнивается с семьей, а монарх представляется отцом семейства. Но даже в рамках традиционного подхода, обосновывая необходимость самодержавия, они зачастую ссылаются на идеи французских просветителей. Новые идеи входят в сложившуюся мировоззренческую систему и ассимилируются ею. Так, П. С. Потемкин, переводчик Руссо, ссылаясь на Руссо, обосновывает необходимость неограниченной самодержавной власти и договора подчинения. Концепции «Общественного договора» он противопоставляет идеи «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми», истолкованные так, чтобы оправдать самодержавие. Потемкин считает, как и Руссо, что, выходя из естественного состояния, люди вступают в состояние войны друг против друга. Подобно Руссо, он полагает, что во избежание этой всеобщей войны люди заключают общественный договор, образуют государство. Но государство общественного договора, государство, в котором законы выработаны людьми, объединившимися в общество, не смогло прекратить эту войну. Война была прекращена только тогда, когда «нужда заставила избрать обществу единого правителя, которому власть всенародно препоручена стала»¹⁴. Эта схема Потемкина похожа на соответствующие рассуждения Руссо, но в то же время коренным образом от них отличается. У Руссо неравенство — несчастье человеческого рода — увеличилось с возникновением самодержавной деспотической власти. У Потемкина же, наоборот, люди несчастны, когда они подчиняются законам, установленным ими же, а наиболее счастливыми являются люди в общественном состоянии под властью самодержавного правителя. В отличие от точки зрения Руссо, по которой государство, возникшее в условиях неравенства, является результатом заговора богатей, у Потемкина богатые и бедные равно желают установления единоначалия, оно на пользу тем и другим¹⁵.

¹⁴ *Потемкин П.* <Предисловие к «Рассуждению о начале и основании неравенства между людьми» // Наст. издание. С. 92.

¹⁵ Там же.

Для обоснования договора подчинения народа правителю использовались и идеи Монтескье, пример здесь подала императрица. По Монтескье, для монархии и аристократической республики характерен договор подчинения народа правителю или нескольким семействам, которые выступают в качестве правителя. Только в демократической республике суверенитет принадлежит всему народу.

Сближая идеи Руссо и Монтескье, И. В. Лопухин считает, что в обширных государствах возможна только монархическая форма правления. Но, говоря о монархии, он, по терминологии Монтескье, говорит о деспотии, так как власть монарха не ограничена.

Д. И. Фонвизин использует как «Общественный договор», так и идеи «Духа законов» для обоснования своего идеала монархического государства, основанного на «непременных государственных законах». О суверенитете народа у Фонвизина, как и у Потемкина, не могло быть и речи, нет речи и о суверенитете дворянства. Источник законодательной власти — монарх. Но в результате таким образом истолкованного договора государство у Фонвизина, как и в «Общественном договоре», превращается в «политическое тело», т. е. Фонвизин, подобно Руссо, при всей противоречивости их идейных позиций, считает необходимым, чтобы государство было единым организмом. Но если у Руссо «общая воля», суверенная власть народа объединяет граждан, то у Фонвизина государь — «душа правимого им общества»¹⁶ с помощью «непременных государственных законов» достигает того, что государство становится «политическим телом».

Попытка демократической интерпретации общественного договора была предпринята, хотя, как мы увидим, непоследовательно и робко, Я. П. Козельским. Находясь под влиянием Гельвеция, Козельский подчеркивает, что люди действуют прежде всего ради своего интереса. Поэтому они и заключают общественный договор. Как и Руссо, Козельский считает, что договор заключается с согласия всех договаривающихся, что он может быть расторгнут. Но, несмотря на демократические моменты в трактовке общественного договора, Козельский прежде всего считает его договором подчинения. И, в противоречии со своей собственной трактовкой общественного догово-

¹⁶ Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Наст. издание. С. 103–104.

ра, он затем утверждает, ссылаясь на Руссо, но в действительности полностью искажая его мысль, что «господин Руссо говорит, что между людьми повеление одного и послушание другого сперва начало свое получили от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою по человеколюбию основывать сии человеческие действия на праведных и верно исполняемых договорах»¹⁷. В понимании форм исполнительной власти он также опирается на учение Руссо. Перечисляя эти формы, приведенные Руссо в «Общественном договоре», Козельский, исходя из особенностей понимания им общественного договора как договора между правителем и народом, где народ подчиняется правителю, сближает определение этих форм, данное Руссо, с определением Монтескье. Тем самым суверенитетом народ обладает лишь при демократической форме правления, как у Монтескье, к которой Козельский относится явно неодобрительно. Для больших областей Козельский, ссылаясь на Монтескье (но безусловно имея в виду и Руссо), считает необходимым установление монархии. В отличие от Лопухина, Козельский, в согласии с Монтескье и Руссо, считает, что монархической является та власть, где государь правит в соответствии с законами, но, в противоположность взглядам Руссо, эти законы не вырабатываются народом.

Близок в решении вопроса о форме исполнительной власти в России к Козельскому Д. И. Фонвизин. Это также власть монарха, основанная на законах, которые он сам устанавливает. И в то же время эти законы должны действовать на пользу нации, с которой у монарха заключен договор. Но каким образом монарх, власть которого неограниченна, может создавать законы на пользу нации?

Для обоснования этого положения Фонвизин использует религиозные аргументы, в частности, аргументацию Руссо, который утверждал в «Исповедании веры савойского викария», что так как Бог всемогущ, он должен быть всеблагим, творить только благо. «Благость есть необходимое следствие безграничного могущества... Кто все может, тот может желать лишь того, что благо»¹⁸. Уподобляя неограниченного монарха

¹⁷ Козельский Я. П. *Философические предложения* // Наст. издание. С. 80.

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. *Эмил*. М., 1911. С. 412.

Богу, Фонвизин считает, что «все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем, но вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были превосходны, чтоб никогда не удалялся от общего блага и чтоб сему правилу подчинил все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностью беспредельная власть его ограничилась. Нет, она есть одного свойства со властью существа высшего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага»¹⁹.

Подлинно демократическое истолкование общественного договора как договора ассоциации, а не подчинения дал А. Н. Радищев. Надо заметить, что Радищев был не одинок в такой трактовке общественного договора. Под влиянием Радищева была произнесена проповедь П. А. Словцова, проникнутая вольнолюбивыми идеями. Словцов так же, как и Радищев, использует идею Руссо о подлинном общественном договоре как договоре ассоциации. Перефразируя мысль Руссо, высказанную им в главе V книги I «Общественного договора», Словцов пишет: «Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина»²⁰.

Демократическая интерпретация идеи общественного договора базировалась на философских взглядах Радищева. Думается, что философские взгляды Радищева испытали влияние как гельвецианских, так и руссоистских идей и являются их сложным и отнюдь не непротиворечивым синтезом.

По многим вопросам Гельвеций и Руссо держались противоположных точек зрения, в частности, раздел V своей книги «О человеке» Гельвеций посвятил критике воззрений Руссо. Как и Гельвеций, Радищев считает, что все свои знания человек получает от ощущений. Это не противоречит точке зрения Руссо, которую он высказал в «Эмиле». Правда, у Руссо в отличие от Радищева и Гельвеция есть отступления от этой позиции. В «Исповедании веры савойского викария» он, в частности, утверждает, что у человека имеется врожденная способность суждения, источник которой в самом уме. В со-

¹⁹ Фонвизин Д. И. Указ. соч. // Наст. издание. С. 99.

²⁰ Словцов П. А. Поучение по случаю торжества бракосочетания... // Наст. издание. С. 148–149.

гласии с Гельвеем Радищев полагает, что человек прежде всего заботится о своей пользе, своем самосохранении. Однако подобной точки зрения придерживается и Руссо. В «Рассуждении о происхождении неравенства» и «Эмиле» он считает одним из естественных свойств человека стремление к самосохранению. В соответствии с точкой зрения Руссо Радищев понимает это стремление человека к своей пользе, предпочтение им своего интереса более гражданственно, чем Гельвеец. Человек у Радищева более способен к общежитию, чем человек у Гельвеция, который ни добр, ни зол, но в силу своей эгоистической природы постоянно вступает в кровавые схватки с себе подобными. Человек у Радищева, в согласии с точкой зрения Руссо, от природы добр. Эту естественную доброту первобытного человека Радищев, вслед за Руссо, выводит из чувства самосохранения: человек сочувствует страданиям другого человека, а также животных, ставя себя на их место. В трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев пересказывает размышления Руссо по этому поводу.

Руссо: «Я говорю о жалости, о естественном сочувствии к существам, которые столь же слабы, как мы, и которым грозит столько же бед, как и нам: добродетель эта тем более всеобъемлюща и тем более полезна для человека, что она предшествует у него всякому размышлению, и столь естественна, что даже животные обнаруживают явные ее признаки... Всякое животное чувствует некоторое беспокойство, когда встречает на своем пути мертвое животное его же вида, есть даже такие, которые устраивают своим собратьям нечто вроде погребения»²¹.

Радищев: «Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучастование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их... Чувствование предворяет рассудку или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страждет естественность»²².

Как видно из приведенного отрывка, Радищев, перефразируя Руссо, в то же время в духе Гельвеция подчеркивает, что сострадание вызвано в конечном счете физической чувствительностью. В то же время Радищев рассматривает доброту

²¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.; Л., 1969. С. 65.

²² Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 54.

человека и по-другому: как врожденное нравственное чувство, что также имеет свое основание во взглядах Руссо²³, но прямо противоречит сенсуализму Гельвеция. Таким образом рассматривается доброта человека в повести о Филарете милостивом, где подчеркивается, что Филарет стремился помогать людям даже в ущерб себе. Признание человека от природы добрым ведет Радищева к более демократическим выводам, чем те, которые делает Гельвеций. Если Гельвеций считает человека из народа жестоким, так как человек всегда действует в соответствии со своим интересом, а простолюдин не видит своего правильно понятого интереса, то Радищев, как и Руссо, полагает, что человек из народа, крестьянин, более близкий к естественному состоянию, добродетельнее, нравственно выше представителей дворянства. Такова крестьянская девушка Аюта в главе «Едрово» «Путешествия из Петербурга в Москву».

Полемизируя с «женевским гражданином», Радищев считает, что интересы человека и его природная доброта ведут его к необходимости совместной жизни с другими людьми.

Так как люди добры и свободны от природы, так как в государстве должны реализовываться интересы каждого гражданина, общественный договор может быть только договором ассоциации, а не подчинения. Такое истолкование мы видим уже в примечании к «Размышлениям о греческой истории» Мабли. Впервые в России появился мыслитель, который, как и Руссо, считал, что договор — это договор народа с самим собой, договор ассоциации, что монархическая власть — это только власть исполнительная, власть, порученная народом государю (в дальнейшем Радищев переходит на республиканские позиции). Подчеркивая, что общественный договор является договором ассоциации, Радищев, как и Руссо, отмечает, что не существует права сильного. Считая, что человек стремится всегда к своей пользе, что человек «корыстолюбив», что только на этом стремлении и возможно построить государство, он утверждает: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан»²⁴. Радищев пытается синтезировать концепции Руссо и Гельвеция. В оде «Вольность», с одной стороны, «желаньям зрю везде предел», а с другой — «свою творю, творя всех волю»²⁵. Радищев, принимая этику

²³ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль. М., 1911. С. 410.

²⁴ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 7.

²⁵ *Радищев А. Н.* Там же. 1938. М.; Л., Т. 1. С. 1–2.

Гельвеция как этику наслаждения, принимая его идеал государства, в котором счастлив каждый отдельный человек, не мог принять концепции Гельвеция, по которой связь между людьми в обществе держится только на «разумно понятном интересе». Радищев считает, что времена, когда личные интересы совпадали полностью с интересами общества, времена естественного состояния, прошли. Теперь надо надеяться не только на личный интерес, в настоящее время «сколь нужным признали в обществе живущие человеки иметь закон, столь нужным скоро познали быть и понуждению»²⁶. Но, по Радищеву, в отличие от Руссо, для счастья каждого человека необходимо принимать во внимание хотя и ограниченные законами, но все же не могущие быть отесненными на второй план естественные права людей. И в то же время, по мысли Радищева, в экстраординарных случаях, когда отечеству грозит опасность, гражданин уже действует, движимый не эгоизмом, хотя бы и ограниченным законами, а добродетелью, естественное, человеческое в это время в нем подавляется. И явственно перекликаются между собой строфы Радищева из «Песни исторической»:

Но пройдем мы быстрым оком
 Ту страну, страну предивну,
 Где Ликурговы законы,
 Царствуют сильней природы...
 ...Там мать в радости ликует,
 Когда сын ее, сражаясь,
 Жертвой пал при Фермопилах²⁷ —

и эпизод из «Эмиля» Руссо: «Одна спартанка отпустила в армию пять сыновей и ждала известий с поля битвы. Является илот с трепетом. Она спрашивает, что нового. — “Твои пять сыновей убиты” — “Презренный раб! разве я тебя об этом спрашивала?” — “Мы победили”. Мать бежит к храму и воздает благодарение богам. Вот гражданка!»²⁸

Для воплощения в жизнь суверенитета, законодательной власти народа, прав каждого гражданина необходима соответствующая исполнительная власть. И здесь Радищев, споря с Руссо, считает, что такой властью может быть только респуб-

²⁶ Там же. Т. 3. С. 28.

²⁷ Там же. С. 83.

²⁸ Руссо Ж.-Ж. Эмиль. С. 7.

лика. Свое понимание исполнительной власти Радищев, пожалуй, наиболее полно выразил в знаменитом наброске, где он говорит, что Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»²⁹. И если Радищев в примечании к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли, в духе рассуждений Руссо о монархии-республике, отделяет деспотизм (самодержавие) от собственно монархии, то в дальнейшем он считает формой исполнительной власти, обеспечивающей суверенитет народа, республику. Однако Радищев принимает предпосылки, исходя из которых Руссо приходит к признанию необходимости монархии в большом государстве. Радищев разделяет мнение Руссо, что в большом государстве слабее связь между гражданами и они являются менее свободными. Сорок девятая строфа оды «Вольность» представляет собой краткое изложение мыслей Руссо об этом.

В оде «Вольность»:

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз³⁰.

В «Общественном договоре»: «Чем более растягивается связь общественная, тем более она слабеет, и вообще Государство малое относительно сильнее большого... Чем больше растет государство, тем больше сокращается свобода»³¹. И в результате формой правления в обширных государствах является монархия, которая нарушает общественный договор. Но это не единственная возможность, считает Радищев. Обширное государство в результате революции разделяется на несколько малых государств, образующих федерацию республик. Есть мысль о федерации и у Руссо, но преобладает у него понимание формы исполнительной власти в большом государстве как монархии, и, очевидно, наибольшее влияние на Радищева в вопросе о федеративном устройстве государства оказал не Руссо, а Гельвеций и Монтескье.

Под влиянием опыта Американской и Французской революций Радищев делает из концепции суверенитета народа Руссо

²⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 47.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 15.

³¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 184, 193.

революционные выводы. Причем, с одной стороны, Радищев более радикален и революционен, чем Руссо, но, с другой стороны, он ставит под влиянием условий России в практическую плоскость те проблемы, которые у Руссо рассматривались только теоретически.

Для Радищева происходит постоянный круговорот: вольность сменяется рабством, рабство — вольностью.

Эта концепция оптимистичнее размышлений Руссо о неизбежном упадке государств, которые ничто не сможет возродить, о том, что революции — это исключения. Радищев представляет революцию более конкретно, чем Руссо, в соответствии с реалиями России: это будет крестьянское восстание, крестьянская революция.

Однако кровавый Пугачевский бунт, так не похожий на восстание граждан против деспотизма, заставил Радищева поставить вопрос о соотношении абстрактной теории и реальной жизни. Тот же вопрос вставал перед мыслителем противоположной идейной ориентации, гонительницей Радищева — Екатериной. Политика «просвещенного абсолютизма» была глубоко противоречива, и одна из причин этого противоречия — трудность воплощения абстрактных теорий в жизнь. Екатерина это хорошо понимала. В частности, в беседе с Сегюром она отмечала, говоря о проектах Дидро: «Я долго с ним беседовала <... , но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовывать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику и финансы и заменить их несбыточными мечтами»³².

Однако решение проблемы Радищевым и Екатериной было противоположным. Екатерина отрицает идеи Руссо, Радищев же развивает их.

Частным случаем проблемы идеала и реальности являлась для Радищева постановка вопроса об общей воле и воле всех, что совершенно нехарактерно для Екатерины, отрицающей концепцию суверенитета народа.

Размышляя об этом, Радищев, в отличие от Руссо, исходит не из абстракции общей воли, которой должен подчиняться гражданин и которая в сущности не ошибается, а из интересов человека. Он не забывает, что целью деятельности государства является «блаженство граждан», их свобода. Там, где этот

³² Сегюр Л. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865. С. 149.

принцип нарушается, там народ-суверен поступает как деспот, такова революционная Франция³³.

Радищев решает проблему соотношения общей воли и воли всех и на материале современной ему российской истории. Для него свободными гражданами являются крестьяне, понявшие свои подлинные интересы и на основе этого восстающие против деспотизма, когда же на бунт поднимаются рабы, не воспринявшие революционного просвещения, то они только воспроизводят ситуацию рабства. Таковы участники Пугачевского бунта. Для Радищева просвещение крестьян сравнительно нетрудно, так как просветительские идеи соответствуют их подлинным интересам. В воззрениях Радищева общая воля и воля всех более близки, чем в теории Руссо.

Однако яacobинский террор, события французской революции опрокинули просветительский оптимизм автора «Путешествия из Петербурга в Москву», показали абстрактность революционного просветительства, привели самого Радищева к тяжелому духовному кризису.

В целом в годы революции мыслители отвергают не только политические идеи «Общественного договора», иногда отвергают все идеи Руссо, концепция Руссо в целом связывается с идеями французской революции. Такова теперь позиция ранее переводчика и поклонника Руссо П. С. Потемкина. Руссо для него ответствен за ужасы революционной Франции, наряду с другими деятелями французского Просвещения. Однако имела место и другая позиция. И. В. Лопухин отвергает политические идеи Руссо, идеи «Общественного договора», считая их основой французской революции. В книге «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия» он пишет: «Mr. Sansjugement, желая издать такую книгу, которая бы ни с какой в мире не сравнилась (что, может быть, и удастся ему по глупости), начинает писать о равенстве состояний. Для справок вынимает из своей библиотеки “Contrat social”»³⁴. Однако он ценит Руссо как моралиста, писателя и религиозного мыслителя. Такова же была позиция Карамзина. Отвергая концепцию суверенитета народа Руссо, отнюдь не симпатизируя политическим идеям Руссо, Карамзин использует сформулированное в «Обществен-

³³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 91.

³⁴ Лопухин И. В. Излияние сердца, чтущего благость единоначалия // Друг юношества. 1809. Май. С. 48.

ном договоре» о подчинении гражданина как части «политическому телу — государству, подобно Руссо, он призывает «жертвуйте частью для спасения целого»³⁵. Карамзин даже более резко, чем Руссо, настаивает на подчинении гражданина государству. Для Руссо добродетель гражданина имеет свой источник в доброте естественного человека. Для Карамзина же, в противоположность Руссо, человек зол³⁶. Отсюда Карамзин выводит необходимость сильной монархической власти, которая сдерживает, подавляет зло в человеке, делает из человека гражданина, не останавливаясь перед насилием. Хотя Карамзин и осуждает крайности этого насилия, но в то же время считает, что истинный гражданин должен покорно сносить все несправедливости (примером в «Истории государства Российского» служит поведение русских подданных во время царствования Ивана Грозного), отрекаясь от своих естественных прав ради могущества «целого» — государства, ибо «самовольные управы народа бывают для Гражданских Обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений Государя»³⁷.

В то же время Карамзин отбрасывает руссоистскую идею о суверенитете народа и договоре ассоциации. Договор, в результате которого было создано самодержавное государство, — это договор подчинения. Характерна формулировка этого договора: «Народ в первоначальном завете с Венценосцами сказал им: “блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частию для спасения целого”³⁸. В то же время, считая, что на практике Россия может быть только монархией, в теории Карамзин — республиканец. В «Истории государства Российского» при описании Древней Руси используются идеи Руссо о суверенитете народа³⁹.

Критика «Истории государства Российского» в декабристских и близких декабристским кругах была и критикой мыслей Карамзина о подчинении части целому, беспрекословного подчинения гражданина государству. Н. И. Тургенев, в духе либерализма, подчеркивает это: «В царствование Ивана Васильевича я желаю успехов России, но как существу от нас

³⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 25.

³⁶ Там же. С. 120.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ Там же. С. 25.

³⁹ См.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований... М., 1975. С. 324.

отдаленному... Как Мемнон стоит она неподвижная и ледяная, нечувствительная к судьбе детей своих, так ей преданных... Я вижу в царствовании Иоанна счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России по причине уничтожения уделов, с благоговением благодарю его как Государя, но не люблю его как человека... Россия достала свою независимость, но сыны ее утратили личную свободу надолго, может быть навсегда»⁴⁰. Для Тургенева и деспотизм монарха, и государство общественного договора в соответствии с либеральной концепцией делают из людей граждан, не обеспечивая их индивидуальные права.

Но имелась и другая тенденция в критике концепции государственной власти Н. М. Карамзина. Она ярко выражена у Н. М. Муравьева. Для него деспотизм, самодержавная власть и власть суверенного народа отнюдь не тождественны в своем отношении к отдельному человеку. Люди являются гражданами, только если народ свободен. Для Н. Муравьева народ свободен, когда он обладает суверенитетом, народ в рабстве подчиняется господину, деспоту. Полемизируя с Н. М. Карамзиным, Н. Муравьев различает государство, основанное на договоре ассоциации, и государство, основанное на договоре подчинения: «Сравнивая историю российскую с древнею, историк нам говорит: “Толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому, — немного разницы, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы”. Я нахожу некоторую разность. Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали; здесь слуги дрались по прихотям господ своих»⁴¹. Муравьев обращает особое внимание на тезис Руссо о том, что государство общественного договора является аренной постоянных потрясений, а спокойствие присуще только деспотии⁴².

В полемике с Карамзиным формируются представления декабристов о национальной самобытности, представления о гражданине-патриоте. Для Н. М. Муравьева национальная самобытность основана на договоре ассоциации, заключенном

⁴⁰ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. Т. 3. С. 123.

⁴¹ *Муравьев Н. М.* Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. I. М., 1954. С. 586.

⁴² Там же. С. 584.

данным народом. Если эта национальная самобытность теряется, то государство перестает существовать. Таковы причины падения Рима: «Окрестные народы оружием достали себе право участвовать в совещаниях народных. С тех пор исчезло бытие народа-властелина»⁴³. Это понимание национальной самобытности, тесно связанное с представлением о гражданине-патриоте, сформировавшееся под явным воздействием идей Руссо, опиралось на античные образцы и было достаточно абстрактным, но оно затем сыграет значительную роль в конституционных проектах декабристов.

Одна из ключевых фигур русской истории — Петр I. Говоря о русской истории, декабристы не могли пройти мимо его деятельности.

Внимание декабристов, как и русских мыслителей, начиная с Екатерины II, привлекают оценки деятельности Петра, данные Руссо.

Уже в юношеские годы Н. Тургенев, пересказывая в своем дневнике размышления Руссо о преобразованиях Петра, не согласен с ним. «Иван Яковлевич зарепортовался, говоря о Петре Великом», — отмечает он⁴⁴. Характерно, что Тургенев отвергает республиканский патриотизм, которым пронизаны строки Руссо. Иным было отношение к Руссо в более радикальных декабристских кругах. Примером может служить утопия «Сон» А. Д. Улыбышева, члена общества «Зеленая лампа», тесно связанного с Союзом благоденствия. Улыбышев в целом принимает оценку деятельности Петра I, данную Руссо. Оценка деятельности Петра Улыбышевым является скрытой цитатой из «Общественного договора»⁴⁵. Оценка деятельности Петра у Улыбышева тесно связана с размышлениями декабристов о воспитании граждан-патриотов, которое возможно только в свободном государстве. В связи с этим в характеристике деятельности Петра у Улыбышева звучит обвинение, которое не выражено у Руссо прямо, хотя осуждение деспотизма пронизывает весь «Общественный договор». Улыбышев же прямо подчеркивает, что Петр был деспотом, поработившим русский народ, и именно поэтому он не был патриотом. В вопросе же о дальнейшем историческом развитии России Улыбышев резко расходится с Руссо. Руссо полагал, что в России не может быть

⁴³ Там же. С. 588.

⁴⁴ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. I. Т. I. С. 58.

⁴⁵ Улыбышев А. Д. Сон // Наст. издание. С. 173–174.

создано государство, обеспечивающее гражданам свободу, так как формой правления на этой огромной территории может быть только монархия, вырождающаяся в деспотию. Улыбышев же считает, что возможность создания действительно свободно-го государства не зависит от территории... И здесь он продолжает традицию радикальной русской мысли XVIII века. Традицию радикальной русской мысли продолжали и члены Общества соединенных славян. Для них характерен интерес к руссоистским идеям. Члены общества знали произведения Руссо, последователя Руссо — Вейсса (Спиридов делал переводы из сочинений Вейсса под названием «Правила философии, политики и нравственности»)⁴⁶. В Обществе друзей природы были сильны руссоистские настроения, восприятие идей Руссо в религиозно-нравственном аспекте. Однако, наряду с религиозно-нравственными идеями, ставилась задача основания утопической республики, основанной на равенстве. «Славяне» отнюдь не считали утопией возрождение античного народовластия. Хотя они и признают необходимость народного представительства, но отнюдь не противопоставляют это народное представительство античным образцам, а скорее сближают с ними. В частности, характеризуется как «чистая демократия» и сближается с мечтами П. И. Борисова о государстве «народодержавия» государство, обрисованное в конституционном проекте Пестеля «Конституция — государственный завет».

Наиболее полно руссоистские идеи в мировоззрении «славян» проявились в вопросе о революции. «Народодержавие», суверенитет народа они распространяют до права народа совершать революцию против угнетателей. В духе Руссо утверждается народный характер революции: «Военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны, они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются. Никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации»⁴⁷.

Необходимо отметить, что в кругах Южного общества вообще была популярна идея Руссо о необходимости свержения самовластия, деспотизма. Об этом говорилось в спорах о вечном мире, которые декабристы вели в Кишиневе (проблематика этих споров получила отражение в знаменитом наброске А. С. Пушкина). В «Записке декабриста 1823 года» для

⁴⁶ Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 135–136.

⁴⁷ Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 14.

оправдания необходимости революции приводятся слова Руссо: «Ж.-Ж. Руссо давно заметил, что и болезнь посылается от Бога, однако не грешно призвать лекаря»⁴⁸.

Решая в духе идей Руссо вопрос о революции, «славяне» не уделяли большого внимания учению о народном суверенитете, о законодательной деятельности народа. И это не случайно. В отличие от Руссо, они не противопоставляют человека — гражданину, общую волю — воле всех. Принимая руссоистскую этику самопожертвования гражданина ради интересов государства, они в то же время, в отличие от Руссо, считают, что просвещенный человек, живущий в государстве народодержавия, сам, без принуждения будет руководствоваться этими этическими нормами. Поэтому общая воля свободных, просвещенных людей и есть воля всех граждан данного общества. Главное для «славян» не государственные законы, которые делают из людей граждан, подавляя их естественные склонности, главное — воспитание и просвещение народа. Для государства отнюдь не главное — единые законы, которым подчиняется гражданин, поэтому для России становится возможной федерация республик как форма государства. В литературе уже указывалось, что идеи Общества соединенных славян — своеобразное возвращение к радикальной просветительской традиции Франции, с ее идеей народной революции⁴⁹.

Таким образом, наиболее радикальные идеи «Общественного договора», идеи о договоре ассоциации, о суверенитете народа, о праве народа на восстание против тирана, узурпировавшего его права, воспринимаются в первой четверти XIX века либо при рассмотрении истории России, либо в утопических проектах, абстрактных рассуждениях о праве народа на восстание и о вечевой демократии.

Гораздо сложнее восприятие идей о договоре ассоциации и суверенитете народа происходит в документах, ориентированных на настоящее, на реальные условия России, в частности, в проектах конституций, разработанных Никитой Муравьевым и Пестелем. Причины здесь не только в российских реалиях, но и в том, что в новых исторических условиях идеи «века Просвещения», в частности, идеи Руссо, не могли дать ответ на многие вопросы, ставившиеся общественным развитием.

⁴⁸ Записка декабриста 1823 года // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 150.

⁴⁹ Ланда С. С. Указ. соч. С. 295–299.

В связи с этим идеи Руссо усваивались не только и не столько из его произведений (хотя «Общественный договор» декабристы прекрасно знали), сколько из других источников — конституций европейских государств, сочинений последователей Руссо. В данном случае восприятие идей Руссо косвенное и в рамках идейной традиции.

Н. Муравьев в своей «Конституции» использует идеи Руссо о договоре ассоциации и суверенитете народа. Формулируя принцип народного суверенитета, Н. Муравьев пишет на полях: «из испанской конституции»⁵⁰.

Как отмечает Н. Дружинин, автор исследования «Декабрист Никита Муравьев»: «Идея народного суверенитета была изложена Н. Муравьевым в определенном толковании: предпочитая федеративную форму правления и принимая теорию разделения властей, он должен был соответственно ослабить абстрактное положение Руссо. Действительно, он ничего не говорит о единстве, неделимости, неотчуждаемости суверенитета»⁵¹.

Можно даже сказать, что Муравьев фактически противоречит этим положениям, его теория — это теория народного суверенитета, однако ограниченного народного суверенитета.

Для Руссо все население данной страны является гражданами. У Н. Муравьева же в первом варианте конституции гражданство предполагает имущественный ценз, во втором варианте гражданами также отнюдь не являются все жители государства. Противоречит взглядам Руссо, развитым им в «Общественном договоре», сама идея народного представительства. Для Руссо суверенитет народа неотчуждаем. В отличие от Руссо, Н. Муравьев, опирающийся на опыт французской революции, положения конституций XVIII — первой четверти XIX века, идеи теоретиков либерализма, не считает приемлемым для современного государства античное народовластие. Представление об историческом развитии, о различии между древними государствами и современными, характерное для представителей либерализма и практически неизвестное Руссо, ясно видно в воззрениях Н. Муравьева.

Гражданин — часть государства, но главной задачей государства является обеспечение индивидуальных прав. На этой

⁴⁹ Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С. П. Трубецкого) // Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 304.

⁵⁰ Дружинин Н. Указ. соч. С. 181.

основе становится возможной в проекте конституции Н. Муравьева федеративная форма правления. Размышления Муравьева о федеративном устройстве государства совпадают с воззрениями членов Общества соединенных славян, для которых государство ассоциировалось с античным народовластием. Это совпадение не случайно. Традиция, идущая с XVIII века, от Радищева, видела в федерации средство обрести свободу для огромной империи.

Другие аспекты «Общественного договора» оказали влияние на «Русскую правду» Пестеля. П. И. Пестель, создавая «Русскую правду» (в особенности ее вторую редакцию), испытал сильное влияние социально-политических идей Руссо. Как уже отмечалось в литературе, книга Детю де Траси «Комментарий на “Дух законов” Монтескье», книга, в которой проводились руссоистские идеи, существенным образом повлияла на мировоззрение Пестеля. Воззрения же Детю де Траси во многом близки к идеям Руссо⁵².

В воззрениях Пестеля явно прослеживается влияние идей Руссо о суверенитете народа, о народе как источнике законодательной власти (положение Руссо, которое разделялось и Детю де Траси). Исходя из идей о суверенитете народа, Пестель говорит в «Русской правде» о политическом равенстве всех граждан, о республике как единственной форме действительно свободного государства (здесь под влиянием Детю де Траси он идет дальше Руссо), о необходимости всеобщего избирательного права. Как и Руссо, Пестель считает, что государство должно действовать ради общих интересов, поэтому руководитель Южного общества сурово критикует сословную систему (порождающую интересы частные), настаивает на политическом равенстве всех граждан, критикует имущественное неравенство.

Как указывал уже В. И. Семевский, Пестель, критикуя имущественное неравенство, пытается, как и Руссо, примирить два противоположных взгляда на земельную собственность: принципиальное ее осуждение и в то же время признание ее необходимости в гражданском обществе⁵³. Влияние идей Руссо прослеживается и в оценке роли земледельца, земельного собственника в гражданском обществе. Разделяет

⁵² См.: Ланда С. С. Указ. соч. С. 144–151; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 514–516, 545–549.

⁵³ См.: Семевский В. И. Указ. соч. С. 534–535.

он и взгляды Руссо на то, что именно земледелие формирует нравы свободного народа, что увеличение городов является причиной их порчи⁵⁴.

Пестель в полном согласии с учением Руссо о верховной законодательной власти народа, защищающей общие интересы, отвергает принцип равновесия властей. Как и у Руссо, законодательная власть, отстаивающая общие интересы всего народа, является главенствующей, ей подчиняется исполнительная власть.

Считая, что государство должно действовать для общего блага, на чем основывается близкая к рассуждениям Руссо критика политического и имущественного неравенства, Пестель нигде не употребляет термина «общая воля», имеющего столь большое значение в теории Руссо. И это не случайно. Пестель вносит серьезные коррективы в руссоистскую теорию договора ассоциации. Он пишет во второй, наиболее радикальной редакции «Русской правды»: «Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется *обществом*. Побуждением к сему соединению или целью оно бывает удовлетворение *общим* нуждам, которые происходят от общих и одинаковых свойств природы человека, бывают для всех людей одинаковы. Из сего следует, что члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели. Но когда они обратятся к средствам, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между ними сильные споры и бесконечные несогласия, потому что *избрание средств* не столько зависит от общих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности... *Избрание средств* для достижения указанной *цели* и действие сообразное с сим избранием ведет к разделению членов гражданского общества на *повелевающих и повинующихся*... Из сего явствует, что главные и первоначальные части каждого государства суть *правительство и народ*»⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что, в отличие от Руссо, для Пестеля за договором ассоциации следует договор подчинения. Народ, увлекаемый различными страстями, не может иметь общую волю, общую волю народа выражают повелевающие. Однако эта далекая от демократизма позиция Пестеля не

⁵⁴ См.: Восстание декабристов. М., 1958. Т. 7. С. 128, 187.

⁵⁵ Пестель П. И. Русская правда (III редакция) // Восстание декабристов. Т. 7. С. 113–114.

исчерпывает его концепцию государственной власти. Она дополняется признанием суверенитета народа, который выражается в выборах «повелевающих», в прямом народоправстве в волостях.

Но договор подчинения у Пестеля не просто теоретическое положение. Представление о народе, не знающем путей к осуществлению своего благоденствия, повлияли на планы Пестеля по установлению диктатуры Временного верховного правления. Истоки этих воззрений отнюдь не руссоистские. Это осмысление уроков французской революции, якобинской диктатуры. Диктатура понимается как средство управления народом, не знающим путей к своему собственному счастью.

Гражданин, и здесь явное влияние Руссо, должен составлять неотъемлемую часть государства, «политического тела». Поэтому существование федерации является крайне нежелательным. Чтобы гражданин составлял часть государства, государство должно иметь на своей территории одинаковые законы, составлять неразрывное целое.

Как и у Руссо, граждане государства должны отличаться от иноземцев своими законами и обычаями. Поэтому все народы будущего русского государства, чтобы иметь одинаковые представления об общем благе, одинаковые законы и обычаи, должны стать или русскими, членами данного политического организма, утратив свою национальную самобытность, или образовать отдельное государство, как Польша. Однако для Руссо, у которого каждый народ обладает своими нравами, своей национальной самобытностью, зависящей от общей воли каждого народа, слить несколько народов в один невозможно. Для Пестеля же, у которого договор ассоциации преобразуется в договор подчинения, повелевающие ведут народ к счастью, законы формируют нравы народа, «самые действенные наставники народов суть законы государственные: они образуют, так сказать, воспитывают народы и по ним нравы, обычаи... и потому утвердительно сказать можно, что политические и гражданские законы соделывают народы таковыми, каковыми они суть»⁵⁶.

С одной стороны, в этих размышлениях Пестель менее демократичен, чем Руссо. Но, с другой стороны, данные воззрения главы Южного общества более оптимистичны, чем размышления Руссо. Любой народ, получив хорошие законы, может возродиться, стать свободным. Такая позиция Пестеля

⁵⁶ Там же. С. 138.

исходила из традиций русской общественной мысли, которая опровергала представление о путях развития русского государства, нарисованное автором «Общественного договора».

В 1830–70-е годы в России происходит осмысление идей Руссо как идей второго плана — через воззрения Гегеля, Фейербаха, французских социалистов, споры о французской революции, о ее историческом значении, в то же время делаются попытки историко-философской оценки концепции Руссо. В 1830–1840-е годы наблюдается всплеск интереса к идеям «женевского гражданина» среди мыслителей радикальной, революционной и социалистической ориентации. Это происходит на мрачном фоне николаевского царствования, когда любое упоминание имени Руссо в положительном контексте влекло за собой цензурные преследования. С 20-х по начало 60-х годов не появляются переводы произведений Руссо, а идеи коммунизма цензор усматривает даже в «Новой Элоизе»⁵⁷. Единственным изданием, специально посвященным Руссо, явился очерк Я. Де Санглена «Вольтер и Руссо» в издании: Я. Де Санглен. «Полный обзор творений Фридриха Шиллера. Вольтер и Руссо» (М., 1843), который явился переработкой его статьи «Вольтер и Руссо», напечатанной в журнале «Аврора» в 1805 году. Однако произведения Руссо читаются в подлинниках, они осмысливаются, в идеях Руссо ищутся ответы на злободневные вопросы.

Для А. И. Герцена в данное время воззрения Руссо, рассматриваемые через призму Великой французской революции, сочетаются с восприятием идей Сен-Симона. «Я был под влиянием идей мистически-социальных, взятых из Евангелия и Жан-Жака на манер французских мыслителей вроде Пьера Леру»⁵⁸.

Но, несмотря на интерес к «Общественному договору», к опыту якобинской диктатуры, Герцен в этот период не признает идею суверенитета народа. Люди, погрязшие в эгоизме, не могут сами выработать общую волю, прийти к идеальному обществу, для этого необходима сила, которая поведет их. Якобинская диктатура попыталась обуздать эгоизм личности, привести людей к братству, однако потерпела поражение. Осуществление идей свободы, равенства и братства для Герцена невозможно без социализма.

⁵⁷ См.: Айзеншток И. Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 780.

⁵⁸ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 8. С. 288.

В 40-е годы мыслители испытывают сильное воздействие руссоистской идеи о суверенитете народа.

В этот период Герцен, с одной стороны, критикует концепцию Руссо о естественном состоянии человеческого рода, а с другой — находится под ее влиянием, причем воззрения Руссо рассматриваются через призму идей Фейербаха.

Это нашло свое выражение в повести А. И. Герцена «Доктор Крупов». Герой повести — естественный человек Левка, чья врожденная доброта противопоставляет его обществу. Левка, как и естественный человек Руссо, свободен, он не знаком с правом частной собственности на землю. Естественный человек рассматривается Герценом по Руссо, однако взгляды Руссо сближаются со взглядами французских материалистов и взглядами Фейербаха. В «Докторе Крупове» естественная доброта рассматривается как проистекающая из врожденного эгоизма, чувства самосохранения человека, и здесь Герцен продолжает русскую демократическую традицию, идущую от Радищева.

Убеждение в необходимости и благоволности человеческих страстей, эгоизма, учета в обществе интересов каждой личности явилось философской основой признания учения Руссо о суверенитете народа. На позиции признания народного суверенитета становятся в это время Огарев и Бакунин⁵⁹, однако вопрос о соотношении воли всех и общей воли не ставится. В духе французских просветителей подразумевается, что в конечном счете народ осознает свои интересы, хотя в отличие от мыслителей XVIII века осуществление общей воли народа, его интересов мыслится как результат исторического развития. Наиболее отчетливо такую, в основе своей просветительскую точку зрения выразил Н. П. Огарев:

В науке весь наш мир идей;
Но Гегель, Штраус не успели
Внедриться в жизнь толпы людей,
И лишь на тех успех имели,
Которые для жизни всей
Науку целью взять умели.
А если б понял их народ,
Наверно б, был переворот⁶⁰.

⁵⁹ Ср.: Герцен А. И. Собр. соч. Т. 2. С. 302; Огарев Н. П. Юмор // Огарев Н. П. Избр. произв.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 18; Бакунин М. А. Собр. соч. и писем.: В 4 т. М., 1935. Т. 3. С. 148.

⁶⁰ Огарев Н. П. Избр. произв. Т. 2. С. 31–32.

Интересы и воля всех для русских социалистов и демократов в конечном счете должны соответствовать просвещенному интересу и воле каждого члена общества.

Последовательный демократизм в условиях русского самодержавия предполагает не только принятие идеи Руссо о суверенитете народа, но и критику его теории о необходимости полного подчинения личности государству «общей воли».

Такова была позиция А. И. Герцена. Для него в теории Руссо ценным является именно внимание к отдельной личности, стремление освободить личность от пут, наложенных на нее старым порядком. Но демократизм Руссо таит в себе противоречие: «“Общественный договор” имел основой права человека — отношение личности к обществу; ее значение делается существенным и главным вопросом, но вопрос решился под влиянием прежнего мирозерцания. Революция признает своей точкой отправления неприкосновенную святость лица и во всех случаях ставит выше и святее лица республику»⁶¹.

Критикуя Руссо, Герцен в то же время подчеркивает, что личность не может существовать вне связи с общественными интересами, личность и общество — единство противоположностей. «В самом колебании между двумя мирами — личности и всеобщего — есть непреодолимая преграда»⁶².

По-другому интерпретирует противоречие между личностью и обществом Белинский. Известны его слова: «Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливым малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную»⁶³. Это противоречие между признанием ценности каждой личности и оправданием любых насильственных мер для ее освобождения вытекает из понимания Белинским личной свободы. Он отождествляет ее с равенством и братством в духе руссоизма и якобинства. Подобно Руссо, Белинский признает необходимость полного подчинения гражданина государству. Считая необходимым подавление эгоистического начала в человеке, Белинский испытывает влияние гражданской религии Руссо, которая представляется ему средством для подавления эгоизма. Не случайно он выписывает отрывок из речи Робеспьера о

⁶¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 2. С. 174.

⁶² Там же. С. 64.

⁶³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 12. С. 52.

Верховном существе⁶⁴. В мышлении Белинского существовало то противоречие, которое пронизательно заметил Герцен у Руссо и деятелей французской революции: с одной стороны, стремление к освобождению личности, а с другой — подчинение личности государству, основанному на общей воле. В своем дневнике Герцен кратко и точно охарактеризовал личность и взгляды Белинского: «Письмо от Белинского. Фанатик, человек экстремы... Тип этой породы людей — Робеспьер. Человек для них ничего, убеждение — все»⁶⁵.

В 1846–1847 годах в мировоззрении Герцена начинается кризис. Это кризис просветительских представлений и идей, просветительского демократизма, который опирался на абстрактные представления о природе человека, о народе вообще без учета конкретно-исторических, национальных особенностей. И не случайно глава «*Consolatio*» книги «С того берега» посвящена идеям и личности Руссо. Противоречивость, разорванность личности «женевского гражданина» близка духовному состоянию Герцена в период кризиса. И идеи, и личность Жан-Жака для Герцена теперь пример несовпадения мечты, идеала и реальности. «Современники не могли ему простить, что он высказал тайное угрызение их собственной совести, и вознаграждали себя искусственным хохотом презрения, а он оскорблялся; они смотрели на поэта братства и свободы как на безумного; они боялись признать в нем разум, это значило бы признать свою глупость, а он плакал о них. За целую жизнь преданности, страстного желания помочь, любить, быть любимым, освобождать... находил он мимолетные приветы и постоянный холод, надменную ограниченность, гонения, сплетни!»⁶⁶ Идеи Руссо теперь для Герцена абстракции, не находящие себе подтверждения в реальной жизни, такой абстракцией является идея свободы, не случайно эпиграфом к главе Герцен берет полемические по отношению к Руссо слова Гёте: «Человек не рожден быть свободным»⁶⁷. Массе не нужна свобода, она равнодушна к абстрактным идеям, к моральным требованиям.

С воцарением Александра II кончилась мрачная эпоха николаевского царствования, был ослаблен цензурный гнет.

⁶⁴ Там же. С. 72, 105.

⁶⁵ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 2. С. 242.

⁶⁶ Герцен А. И. С того берега. Гл. V. *Consolatio* // Наст. издание. С. 194.

⁶⁷ Там же. С. 193.

В 60-е годы было начато издание Собрания сочинений женеваца (правда, вышел только первый том, «Общественный договор» не издавался на русском языке)⁶⁸, была издана отдельно «Исповедь»⁶⁹. В 1878 году в русской печати было отмечено столетие со дня смерти Руссо. Выходят статьи и работы, где излагается биография Руссо⁷⁰. Мыслители различных направлений обращаются к его идеям. Причем, в отличие от 30–40-х годов это не только представители радикального, революционного, демократического лагеря, но и либеральные, а также консервативные мыслители (Б. Н. Чичерин, Н. Любимов и т. д.).

Во второй половине XIX века русская мысль решает вопрос, каким образом интересы народа выражаются в политической и социальной теории. Эту проблему решают как представители демократического и социалистического течения в русской общественной мысли, русского народничества, так и русские либералы и консерваторы. В связи с этим на первый план выдвигается именно концепция «общей воли». Для Герцена в 50–60-е годы (и здесь он продолжает мыслительную работу, начатую в годы духовной драмы) в государствах, построенных на основе идей Руссо, суверенитета народа не существует, правление идет от его имени. Общая воля узурпируется меньшинством. «Опыт политических республик ясно показал, что они были республиками лишь по названию... Они только представляли суверенитет народа; они, следовательно, не были его воплощением»⁷¹.

М. А. Бакунин так же, как и Герцен, считает, что государство общей воли и суверенитета народа подменяется властью меньшинства. Он более подробно, чем Герцен, останавливается на руссоистских истоках идеи такого государства, замечая, что на место суверенитета народа становится власть законодателя, основанная на религиозных принципах⁷².

Критика утопичности и абстрактности концепции народного суверенитета также является постоянным рефреном мыслите-

⁶⁸ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Собр. соч.: В 3 т. Т. I. Теории воспитания. СПб., 1866.

⁶⁹ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. Ф. Н. Устрялова. СПб., 1865.

⁷⁰ См.: *Ставрин С.* [Шашков С. С.]. Жизнь и деятельность Ж.-Ж. Руссо // Дело. 1875. № 8, 10, 11, 12; *Михайлов А.* Жан-Жак Руссо // Женский вестник. 1867. № 8, 9.

⁷¹ *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 12. С. 227.

⁷² См.: *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм // Наст. издание. С. 229.

лей консервативного и либерального направления. Так, публицист консервативного направления Н. Любимов пишет в своих очерках «Против течения»: «Закон есть выражение общей воли. Но каким образом нация может проявлять свое верховенство и как узнать ее волю, это так и донныне остается в большом тумане»⁷³. Б. Н. Чичерин положительно оценивает учение Руссо о противоположности общей воли и воли всех, отождествляя общую волю с волей государства, видя в Руссо мыслителя, подчиняющего индивида государству. «Руссо понял, что отдельные лица не могут сохранить за собою часть своих прав, ибо это не что иное, как продолжение анархии. В обществе необходим высший судья, которого приговоры имели бы абсолютную обязательную силу для всех, а таким может быть только целое или его законные органы <... . В этом отречении от собственной воли заключается первое и необходимое условие всякого общежития. Вопрос состоит в том, кому выгоднее подчиняться: приговорам ли большинства или правительству, основанному на иных началах?»⁷⁴ Чичерин отмечает, что, наделяя членов общества политическими правами, Руссо отрицает личные права и свободы. Народное целое, узурпируя власть, не дает никакой гарантии против нарушения личных прав. Отвергая теорию народного суверенитета, Чичерин в русле либерального направления русской общественной мысли предпочитает Руссо Монтескье. Он полагает, что все граждане отнюдь не должны обладать политическими правами, «политическая свобода не составляет неотъемлемого права народа»⁷⁵, государства отнюдь не обязательно должны быть основаны на народном суверенитете и общественном договоре, монархия, в частности, отнюдь не основана на общественном договоре.

Подчеркивает оторванность концепции Руссо от интересов народных масс и Ф. М. Достоевский. Как и Герцен, Достоевский отмечает буржуазный характер воззрений Руссо, их связь с католицизмом и западноевропейским социализмом⁷⁶.

⁷³ Кочнев В. <Любимов Н. Против течения //Русский вестник. 1880. Август. С. 653.

⁷⁴ Чичерин Б. Н. История политических учений. Руссо // Наст. издание. С. 247–248.

⁷⁵ Чичерин В. О народном представительстве. М., 1866. С. 33.

⁷⁶ См.: Достоевский Ф. М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 20. С. 190–192.

Таким образом, абстрактность и противоречивость концепции Руссо подчеркивали мыслители различных направлений русской общественной мысли.

Однако если как консервативные, так и либеральные мыслители в это время считают, что «политическая свобода не составляет неотъемлемого права народа», то наиболее глубокие представители демократической мысли мучительно ищут механизмы осуществления народного суверенитета.

И здесь мыслители или сознательно используют руссоистскую идейную традицию, или, несмотря на субъективное неприятие концепции Руссо, часто высказывают руссоистские идеи.

А. И. Герцен в статье «Старый мир и Россия», не ссылаясь на Руссо, описывает республику, основанную на суверенитете народа. Эта республика, по мнению Герцена, существовала в Запорожской Сечи. «Нет ничего более сообразного со славянским характером, чем положение Украины или Малороссии со времен Киевского периода до Петра I. Это была казачья и земледельческая республика с военным устройством на основах демократических и коммунистических. Республика без централизации, без сильного правительства, управляемая обычаями, не подчинявшаяся ни московскому царю, ни королю польскому. В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности от десятника до гетмана были выборными»⁷⁷.

Руссоистские концепции, включаясь в национальную традицию, подвергаются значительной трансформации: Герцен говорит о федеративной республике, о республике «без сильного правительства».

Мучительно решает проблему «народ и образованное меньшинство» в середине 60-х годов Д. И. Писарев. В статьях «Исторические эскизы» и «Популяризаторы отрицательных доктрин» он, как и Герцен, подчеркивает стихийность, иррациональность порывов масс⁷⁸. Руссоистская идея суверенитета народа, основанная на главенстве общей воли, по мнению Писарева, была непонятна массам, оторвана от жизни и утопична. Проповедники этой идеи не учитывали, что у разных слоев народа могут быть различные интересы. «Нацио-

⁷⁷ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 170–171.

⁷⁸ См., напр.: Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1909–1913. Т. 3. Стб. 114.

нальное собрание решалось поскорее закончить церковные преобразования и утвердить их силой в тех местностях, в которых зашевелится католическая реакция. Приступая к такому образу действий, национальное собрание, очевидно, вступало в борьбу с проявлением народной воли, но так как эта воля оказывалась раздвоенной, то законодателям поневоле надо было примкнуть решительно к одной из двух партий и объявить другую партию толпой мятежников...»⁷⁹.

В то же время Писарев не считает плодотворным простое отражение публицистами всех настроений масс, ибо наряду с абстрактными идеями в сознании масс есть много разрушительного, иррационального, противоречивого. Таким образом, мысль Писарева упирается в антиномию: с одной стороны, мысль меньшинства абстрактна, оторвана от народной жизни, а с другой — если мыслители просто выражают настроения масс, то они лишь разрушают отжившее, так как энергия масс не созидательна. В середине 1860-х годов Писарев ищет выход на дороге просветительства. Путем распространения не политических теорий, а научных знаний, считает он, повысится уровень жизни народа, в результате эксцессы будут исключены из общественной жизни. Своими мучительными размышлениями о роли образованного меньшинства в общественной жизни Д. И. Писарев предвосхитил искания народничества⁸⁰.

Однако часто идеологи народничества не улавливали тех сложностей и противоречий, которые видел Писарев. Например, для П. Н. Ткачева представления меньшинства о социалистическом будущем должны силой навязываться народу. При этом Ткачев использует опыт якобинцев, последователей Руссо. «Приверженцы “Набата” видели альфу и омегу революционной политики в беспощадном истреблении врагов революции, в мерах устрашения и физического уничтожения, — пишет в своих воспоминаниях П. Б. Аксельрод. — При этом любили ссылаться на Робеспьера и Сен-Жюста, с гордостью называли себя “якобинцами”. Как-то в споре с одним из ткачевцев я спросил его: “Неужели вы считаете себя вправе, будучи меньшинством, насильно осчастливить народ?”

⁷⁹ Там же. Стб. 176–177.

⁸⁰ См.: *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973. С. 193.

Этот вопрос нимало не смутил моего собеседника: “Разумеется, — ответил он. — Раз народные массы не понимают своего блага, то приходится силой навязывать его им”⁸¹.

М. А. Бакунин решает вопрос о соотношении теории и потребностей народа прямо противоположным образом. Он отвергает руссоистскую концепцию общей воли как воли, оторванной от народа. Вопрос о соединении воззрений теоретиков с народной жизнью Бакуниным снимается следующим образом: революционеры пассивно отражают инстинктивные потребности крестьянской массы, народ является социалистом и бунтарем по инстинкту, необходимо поднять его на революцию.

Критикуя учение Руссо об общей воле, признавая в теории роль народной самодеятельности, Бакунин на практике приходил к признанию заговорщических методов борьбы, что близко к позиции Ткачева.

Если А. И. Герцен, Д. И. Писарев (в середине 60-х годов), М. А. Бакунин критически относятся к руссоистской концепции «общей воли», то Н. Г. Чернышевский использует руссоистские традиции, находя ценные моменты в этой концепции. В связи с этим Чернышевский переосмысливает учение Руссо об общей воле. Общая воля народа — воля, обеспечивающая не только политические, но и социальные права. Полная политическая и экономическая свобода без социальных прав, которые обеспечиваются государством, ведет к социальной несправедливости, к буржуазному порядку. Поэтому теория Руссо противопоставляется Чернышевским концепции физиократов⁸². Теория Руссо рассматривается Чернышевским как один из источников социалистических учений. Чернышевский ссылается не только на «Рассуждение о неравенстве», он видит социалистические тенденции и в «Общественном договоре», цитируя из этого произведения отрывок о том, что собственность всех граждан подчинена общей воле⁸³. Именно обеспечение социальных прав способствует сплочению граждан государства, согласованию обще-

⁸¹ Аксельрод П. В. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. I. С. 197–198.

⁸² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 5. С. 299–300, 304.

⁸³ См.: Чернышевский Н. Г. Заметки для биографии Руссо // Чернышевский Н. Г. Неопубликованные произведения. Саратов, 1939. С. 318.

ственных и личных интересов. Однако Чернышевский, в отличие от Руссо, в русле традиций общественной мысли России, говорит о необходимости федеративного устройства государства. Теория Руссо, так же как идеи социалистов, отражает интересы народа. Но (и здесь перед Чернышевским встает вопрос, который решали Герцен и Писарев) неграмотный, непросвещенный народ не может полностью понять свои коренные интересы. Именно поэтому Чернышевский, хотя и говорит, что Руссо отражал интересы простолюдинов, в то же время отмечает: «Сам Руссо, доступный кругу в десять раз большему, был еще совершенно недоступен большинству грамотной массы: когда образованные люди читали “Новую Элоизу” и “Общественный контракт”, французские грамотные простолюдины еще читали лубочные издания искаженных остатков средневековой литературы»⁸⁴.

Исторический путь негладок, социальные и политические идеалы Руссо воплотятся в далеком будущем, а в настоящем (и здесь точка зрения Чернышевского совпадает с герценовской) государство народного суверенитета, общей воли перерастает в деспотизм, осуществляющийся от имени народа. «Он говорил нам, что со времени Руссо во Франции, а затем и в других европейских странах демократические партии привыкли идеализировать народ — возлагать на него такие надежды, которые никогда не осуществлялись, а приводили к еще горшему разочарованию. Самодержавие народа вело только к передаче этого самодержавия хоть Наполеону I», — так, по воспоминаниям В. Н. Шаганова, считал Н. Г. Чернышевский⁸⁵.

Непосредственным продолжателем традиций Чернышевского в конце жизни стал Д. И. Писарев, который в статье «Французский крестьянин в 1789 году» во многом пересмотрел свою точку зрения на народ. Массы могут воспринимать политические концепции, если их восприятие подготовлено повседневными нуждами, если эти политические концепции отвечают и на социальные вопросы⁸⁶. Политическим писателем, который отражал социальные чаяния масс, способствовал

⁸⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 432.

⁸⁵ Шаганов В. Н. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959. Т. 2. С. 135.

⁸⁶ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. 4. С. 399–400.

назреванию революционных настроений, считает Писарев Жан-Жака Руссо.

Традиции Чернышевского и Писарева продолжают в народничестве. В частности, понятие «народная воля» имеет своим источником руссоистскую традицию, это воля, которая учитывает как политические, так и социальные требования народа. Хорошо показал руссоистские истоки этих воззрений Н. К. Михайловский, разделявший в этом вопросе взгляды народовольцев. В «Политических письмах социалиста» он провозглашает: «Привет вам с родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умело ненавидеть и политическое и экономическое рабство, чей широкий ум охватывал и принцип политической свободы, и принцип социализма, Земли и Воли»⁸⁷.

С 80-х годов XIX века в России начинается углубленное научное историко-философское изучение идей Руссо. Изучение идей «женевского гражданина» ведется, опираясь на достижения зарубежных, прежде всего французских, ученых. Но российские исследователи отнюдь не ученики. Можно сказать, что они внесли, начиная с 80-х годов XIX века и до 1917 года, когда многие традиции изучения Руссо в России были прерваны, серьезный вклад в исследование руссоизма. Можно только назвать А. С. Алексева, который впервые опубликовал первый набросок «Общественного договора» Руссо в оригинале в приложении к своим «Этюдам о Руссо»⁸⁸. Французский ученый Э. Дрейфюс-Бризак сделал это только в 1896 году. Большой вклад в изучение социально-политических взглядов Руссо внесли русские историки и философы права, социологи: П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский. Известный французский социолог Жорж Гурвич, занимавшийся изучением Руссо и во Франции, начал изучение политической теории «женевского гражданина» еще в России. В 1918 году вышла монография Г. Д. Гурвича «Руссо и декларация прав», которая явилась своеобразным завершением русского дореволюционного руссоведения. Изучались не только социально-политические, но и философские (В. А. Кожевников, Н. Котляревский), религиозные (С. Кот-

⁸⁷ Гроньяр <Михайловский Н. К. . Политические письма социалиста. Письмо 1-е // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 28.

⁸⁸ См.: Алексеев А. С. Этюды о Руссо. М., 1887. Т. 2. С. V–LXXXIV.

ляревский, А. Г. Вульфийус) взгляды Руссо, Руссо как писатель (М. Н. Розанов), педагогические идеи Руссо (Н. Бахтин)⁸⁹. С начала 80-х по 1917 год были изданы большинство наиболее известных произведений «женевского гражданина». Только после первой русской революции появились сразу несколько изданий «Общественного договора» в переводе на русский язык⁹⁰.

Необходимо отметить, что Руссо и его воззрения — не только предмет научного, академического изучения. Жан-Жак Руссо — одна из ключевых фигур в общественном сознании конца XIX и особенно начала XX века — времени после первой русской революции. Произведения Руссо выпускаются для массового читателя, издаются популярные работы о нем, его биографии⁹¹. Выходит много переводов работ иностранных авторов о Руссо. Пик интереса к идеям и личности Руссо в общественном сознании совпадает с

⁸⁹ Дважды выходило в свет «Рассуждение о науках и искусствах» (*Руссо Ж.-Ж.* Сочинения. Рассуждение на тему, предложенную Дижонской академией. Восстановление наук и искусств способствовало ли очищению нравов // Пантеон литературы. 1891. №12; 1892. №3; *Руссо Ж.-Ж.* О влиянии наук на нравы. СПб., 1908; издано также в «Собрании сочинений» Ж.-Ж. Руссо (Т. I. Киев, 1904). Вышло в свет «Рассуждение о неравенстве» (*Руссо Ж.-Ж.* О причинах неравенства. СПб., 1907). Несколько раз издавалась «Исповедь», однако в большинстве изданий не полностью, с цензурными изъятиями. Полный перевод в издании: *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь. Киев, 1905. Несколько раз издавался «Эмиль» и «Исповедание веры савойского викария», причем полностью, вместе с «Исповеданием веры савойского викария» «Эмиль» был издан только во втором издании перевода П. Перлова (М., 1911) (первое издание перевода П. Перлова вышло в свет в 1896 году), а также в переводе М. Энгельгардта (СПб., 1912).

⁹⁰ *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор / Пер. В. Ютанова. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Начала политического права / Пер. Френкеля. Под ред. и с предисл. А. К. Дживилегова. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор, или Принципы политического права / Пер. с франц. С. Нестеровой. Под ред. и с предисл. П. Когана. М., 1906; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре / Пер. Л. Неманова. Под ред. Д. Е. Жуковского. СПб., 1907.

⁹¹ См., напр.: *Южаков С. Н.* Ж.-Ж. Руссо, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1894; *Южаков С. Н.* Детство и молодость Руссо // Мир Божий. 1894. №1; Руссо. О естественном состоянии (Общедоступная философия в изложении Арк. Пресса). СПб., 1904.

200-летием со дня его рождения, очень широко отмечавшимся в русской печати. В библиографии, посвященной юбилейным публикациям, учтено 46 названий, но она не является полной⁹². В общественном сознании Руссо предстает демократом, защитником интересов народа, предтечей французской революции. Подчеркивается современность воззрений Руссо, недаром статья А. Дивильковского называется «Наш двухсотлетний современник»⁹³. Однако современным в общественном сознании предстает не только главное произведение Руссо как социально-политического мыслителя — «Общественный договор». Мыслителей русского религиозного ренессанса привлекает сама личность Руссо, противоречивая и неоднозначная, его воздействие на русскую культуру (В. Розанов, Д. Философов). Современной предстает и критика Руссо цивилизации и неравенства, не случайно последователем Руссо считал себя и был им Л. Н. Толстой⁹⁴, а Г. В. Плеханов в своей статье «Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми» считает Руссо во многих отношениях предшественником материалистического понимания истории. Свидетельством духовной атмосферы того времени и места в этой атмосфере идей «женевского гражданина» является отрывок из гимназической работы «Значение наук и искусств в диссертации Руссо “О влиянии наук на нравы”» человека совсем другого поколения, будущего философа и историка античной философии А. Ф. Лосева: «Среди всех вопросов, разрешение которых в настоящее время стало потребностью почти каждого мыслящего человека, весьма важное значение принадлежит вопросу о ценности некоторых наших духовных способностей, в частности, о ценности разума, а следовательно и всех его произведений... Эти вопросы в наши дни получают особенное значение. Мы, русские, переживаем ту эпоху, которая должна служить гранью между старой жизнью и жизнью новой, эпоху, которая гораздо больше, чем всякая другая, отличается неопределенностью, блужданием по новым, непроторенным

⁹² См.: *Окуньков Б. Н.* Литература о Руссо по поводу 200-летнего юбилея // *Известия Одесского библиограф. об-ва.* 1912. Т. 1. Вып. 9. С. 377–378.

⁹³ *Современный мир.* 1912. № 9.

⁹⁴ В данной вступительной статье мы не касаемся обширной и достаточно исследованной темы «Руссо и Толстой».

путям и жаждою всего нового при полном или почти таком отрицании прежних идеалов»⁹⁵.

У истоков специального историко-философского изучения концепции и идей Руссо стоит русский историк Владимир Иванович Герье. В своей статье «Понятие о народе у Руссо»⁹⁶ он рассматривает это понятие как фокус для исследования концепции Руссо в ее целостности и противоречиях, показывает истоки этой концепции.

Для Герье центральным понятием руссоистской концепции народного суверенитета является понятие общей воли. Оно имеет своим истоком господствовавший со времен Декарта во Франции рационализм, а также государственную централизацию.

Однако «общая воля», по Герье, понятие противоречивое. Основное противоречие — это, как уже было указано Б. Н. Чичериным, противоречие между этатизмом и анархизмом. В. И. Герье развивает эту мысль Чичерина⁹⁷. Для Герье понятие общественного договора и общей воли — образец рационалистической конструкции, оторванной от действительности. «Представление о *народе* у Руссо взято не из истории и не из наблюдений над жизнью — оно придумано для того, чтобы служить опорой для рационалистического построения общества и перенесения государственной власти от легитимной династии на другую орган»⁹⁸.

Однако в противоречии с рационалистической конструкцией понятия «народ» у Руссо имеет место историческое понимание народа, идущее от Монтескье.

Другим противоречием у Руссо является противоречие между его рационализмом и культом чувства, инстинкта. В связи с этим для Герье Руссо, с одной стороны, рационалист и представитель Просвещения, а с другой — представитель романтизма и реакции против просветительских воззрений. С идеализацией чувства и инстинкта связано представление Руссо о сострадании, которое сыграло большую роль в педагогике Руссо, в критике им этики французских материа-

⁹⁵ Лосев А. Ф. Значение наук и искусств в диссертации Руссо «О влиянии наук на нравы» // Человек. 1995. № 1. С. 91.

⁹⁶ См. наст. издание. С. 281–362.

⁹⁷ Герье В. И. Понятие о народе у Руссо // Наст. издание. С. 350–353. Ср.: Наст. издание. С. 274–275.

⁹⁸ Герье В. И. Указ. соч. С. 288.

листов. Однако с идеализацией чувства связано и наполнение абстрактного понятия «народ» представлением о низах общества, о бедняках.

Народная воля, по Руссо, как отмечает Герье, — это воля бедняков, воля низших слоев населения, попытка ее воплощения в годы французской революции ведет к разрушительным последствиям.

Показывая противоречия руссоистской теории суверенитета народа, Герье, как и Чичерин, отвергает ее, отвергает он и социалистические тенденции, которые, как он полагает (здесь его взгляды близки к взглядам Чернышевского и народников), имеются у Руссо. «Как рационалистическая теория государства, отправляясь от индивидуалистической теории, от естественной, безусловной свободы человеческой личности, приходит в дальнейшем своем развитии к самому полному государственному деспотизму и к совершенному уничтожению свободы личности, так и эта теория в применении к собственности, отправляясь от того же индивидуалистического взгляда на собственность, ведет к отрицанию личной собственности и таким образом к политическому подавлению личности присоединяет еще уничтожение ее в гражданском быту»⁹⁹.

Однако в XX веке представители русского либерализма, такие как Н. И. Кареев, П. И. Новгородцев, М. М. Ковалевский, Г. Д. Гурвич, критикуя руссоистскую концепцию общей воли стремятся соединить понятие о суверенитете народа и представление о правах личности, либерализм и демократизм. Таким образом, нередко происходит возврат к русской традиции XVIII — первой четверти XIX века, когда идеи Руссо сближаются с концепцией Монтескье. В то же время русская правовая мысль в изучении воззрений Руссо использует достижения современной ей европейской политико-правовой теории — работы Еллинека, Эсмена, Дюги и др.

Не видит противоречия между учением Руссо о народном суверенитете и теорией разделения властей Монтескье М. М. Ковалевский. «Сделанные выписки, как нам кажется, вполне устанавливают тот факт, что между учением Монтескье о необходимых условиях политической свободы и воззрениями Руссо и Мабли нет принципиального различия; но это не значит, чтобы взгляды этих трех писателей на данный вопрос были вполне тождественны. Отправляясь от теории

⁹⁹ Там же. С. 353.

Монтескье, Руссо и Мабли придали ей большую логическую стройность и сделали из нее те крайние выводы, на которые едва ли решился сам Монтескье»¹⁰⁰, — пишет Ковалевский в работе «Происхождение современной демократии». Такой же подход характерен для Ковалевского в более позднем труде «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму»¹⁰¹. А. С. Алексеев вступает по этому поводу с ним в дискуссию, опровергая его выводы. Алексеев отмечает: «Руссо, как и Монтескье, различает власть законодательную и власть правительственную и, признавая их разнородность, считает нужным, подобно автору “Духа законов”, поручать их и разнородным органам. Но Руссо, во имя безусловного господства народной воли, как источника законов, признает верховной властью власть законодательную, принадлежащую народу, в правительственной же власти видит подчиненную функцию, отправление которой должно быть поручено подзаконным органам, учреждаемым народом-сувереном, от него получающим свои полномочия и действующим под его надзором. По учению же Монтескье, верховенство столько же проявляется в законодательной власти, сколько и в правительственной власти. Обе эти власти равноправны и равносильны; ни одна из них не подчинена другой и обе, вращаясь свободно и независимо в сфере своей компетенции, своими полномочиями умеряют и ограничивают друг друга»¹⁰². Он показывает, что представления о Руссо как о стороннике разделения властей имеют основой неправильное понимание мысли Руссо и неточные переводы¹⁰³.

А. С. Алексеев как первый публикатор первоначального варианта «Общественного договора» также опровергает пред-

¹⁰⁰ Ковалевский М. М. Теория демократической монархии // Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1. С. 617.

¹⁰¹ См.: Ковалевский М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. III. Гл. III. Теория прямого народовластия. Генезис основной доктрины Руссо и попытка восстановить содержание уничтоженного им общего «трактата о политических учреждениях» (С. 203–292).

¹⁰² Алексеев А. С. Политическая доктрина Руссо // Вестник права. 1905. № 3. С. 98.

¹⁰³ См. там же. С. 100–111.

положение Ковалевского, что этот текст является частью трактата Руссо о политических учреждениях, о котором Руссо говорит в «Исповеди» и который не был написан.

П. И. Новгородцев высоко ценит исследование В. И. Герье политических идей Руссо, выявление противоречивости понятия общей, народной воли. Однако он не согласен с тем, что все эти противоречия разрешаются обращением к монарху как воплощению народной воли. «Этот взгляд на разрешение проблемы народной воли, предполагая за монархом счастливое свойство быть постоянным представителем этой воли, в сущности лишь заменяет патриархальный романтизм Руссо романтизмом феодальным: там и здесь воля народа представляется как готовый плод его жизни, который непосредственно дается тем, кто предназначен его хранить. Народу в идеальном смысле противопоставляется здесь монархия в идеальном смысле, причем совершенно упускается из виду, что если монархия и должна служить символом народного единства, то это единство не есть неизменное достояние жизни, ключи от которого находятся в руках монарха: там, где оно есть, оно имеет характер подвижного равновесия, в разные моменты колеблющегося туда и сюда и вечно ищущего для себя нового выражения»¹⁰⁴.

Новгородцев показывает значение концепции общей воли Руссо для развития политической и правовой мысли, правосознания. Это, во-первых, сознание индивидами, составляющими народ, общей связи между ними. Во-вторых, это сознание справедливости тех или иных законов, которые не навязываются сверху, а принимаются народом. «Самая высшая справедливость, осуществленная против воли подчиняющихся ей лиц, является принуждением, и если объективные начала справедливости не сделаются общим сознанием, они не могут овладеть жизнью до конца и вполне. В то время как многие увлекались идеалами просвещенного абсолютизма и благодетельных реформ сверху, Руссо с необычайной силой понял и сказал: для того, чтобы идти до конца в деле справедливого устройства общества, надо основать его на общей воле, на общем признании. Это была идея смелая и блестящая»¹⁰⁵. В-третьих, идея народовластия, общей воли

¹⁰⁴ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания // Наст. издание. С. 499.

¹⁰⁵ Там же. С. 505.

народа, была исторически преходящей формой для выражения безусловного принципа личности. И, в-четвертых, Новгородцев считает, что идея народного суверенитета является центром теории правового государства.

В то же время он показывает ограниченность концепции народного суверенитета в интерпретации Руссо. Понятие неотчуждаемых прав личности противоречит понятию общей воли, а неотчуждаемые права личности противоречат абсолютному народоправству, общественное мнение есть только путь к образованию справедливого закона, общая воля может воплотиться только в маленьких патриархальных государствах. Уже идеологи французской революции сочетают принципы Руссо и принципы Монтескье.

Как полагает Новгородцев, «мысль о непогрешимом единстве общей воли должна быть оставлена, как вовсе неосуществимая. Она должна уступить место *идеалу свободного образования и выражения отдельных волей*, взаимодействие которых служит лучшей порукой их стремления к истине. Центр тяжести переносится таким образом с общественной гармонии на личную свободу»¹⁰⁶.

Проводит сравнение теории Монтескье и Руссо в своих «Основах конституционного права» В. М. Гессен¹⁰⁷. Он исследует противоречия в воззрениях как Руссо, так и Монтескье. Теория Монтескье, в отличие от теории Руссо, является отрицанием народного суверенитета. Народ не может творить законы. Но в дальнейшем, в противоречии с исходным тезисом, Монтескье становится на точку зрения народного суверенитета. Народ не умеет законодательствовать, но он обладает способностью выбирать тех, которые создадут хорошие законы. В отличие от Монтескье, Руссо не за равновесие, а за разделение властей, отделение законодательной власти от исполнительной. Монтескье защитник корпоративных союзов, Руссо не признает частных союзов в государстве. Вывод В. М. Гессена близок к выводу П. И. Новгородцева: «Из элементов учения Монтескье и Руссо революционная эпоха создает современную теорию народного представительства»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Наст. издание. С. 517.

¹⁰⁷ См.: Гессен В. М. Основы конституционного права. 2-е изд. Пг., 1918. С. 88–101.

¹⁰⁸ Там же. С. 100.

Иначе подходит к проблеме Г. Д. Гурвич. Он не считает, что общая воля заменяет естественное право, что она подавляет личность. Чтобы доказать это, Гурвич вводит разграничение инстинктивного естественного права и разумного естественно-го права. При этом он опирается на первоначальный вариант «Общественного договора» Руссо, опубликованный А. С. Алексеевым. «Оказывается, Руссо различает два понятия естественного права: “droit naturel raisonné” — разумное естественное право и “droit naturel proprement dit” — естественное право инстинктивное, основанное на естественном побуждении. Разумное естественное право приобретает обязательную силу, приложимость к людям только через посредство социального договора»¹⁰⁹. Таким образом, по Гурвичу, коренное противоречие во взглядах Руссо между естественными правами человека и его правами в обществе, между естественным человеком, который подчиняется только себе, и общественным человеком, который подчиняется общей воле, оказывается мнимым. «Заключая социальный договор, индивид как бы навсегда отрывается от своих страстей и инстинктов и всецело подчиняет себя власти разумного естественного права. <... Таким образом, выставленное Руссо требование отчуждения всех “прав” индивида в пользу общественного целого, будучи правильно понято, как отказ от инстинктивного естественного права в пользу разумного, меньше всего противоречит велениям разумного естественного права, к вящему утверждению коего такое отречение служит»¹¹⁰. Общая воля тесно связана не только и не столько с разумом, а с совестью «conscience». Здесь Руссо, по Гурвичу, является предшественником Канта и Фихте, так как он открыл самостоятельное этическое начало. «Нравственное поведение именно и состоит, учит здесь Руссо, предвосхищая идеи Канта, в преодолении извращенных склонностей и страстей, в суровой борьбе с ними. Добродетель — vertu — есть действие вопреки инстинктам, знаменует собой борьбу и победу над ними»¹¹¹. Совесть является синтезом внутреннего чувства и разума. Общая воля есть совесть «conscience», направленная на общежитие¹¹². В связи с этим

¹⁰⁹ Гурвич Г. Д. Руссо и декларация прав // Наст. издание. С. 526.

¹¹⁰ Там же. С. 528–529.

¹¹¹ Гурвич Г. Д. Руссо и декларация прав. Пг., 1918. С. 47–48.

¹¹² Гурвич Г. Д. Руссо и декларация прав // Наст. издание. С. 535.

общая воля связана с волей большинства, но эта связь далеко не всегда имеет место.

Таким образом, вывод Гурвича близок к выводу Руссо: индивидуальные права граждан гарантированы государством, общей волей. Индивид подчиняется праву, разумному естественному праву.

Полемизируя с Гурвичем, Новгородцев отмечает: «Значит ли это, что учение Руссо не исключает, а, напротив, утверждает неотчуждаемые права личности? Этого второго своего вывода автору не удалось доказать по этой простой причине, что его и нельзя доказать... Конечно, это не абсолютизм произвола, а абсолютизм права, но все же абсолютизм. Это — абсолютизм правового государства, поглощающего неотчуждаемые права и воздвигающего над ними власть безусловной и отвлеченной правовой нормы»¹¹³.

Эти подходы более глубоки, чем оценка концепции «женевского гражданина» русскими марксистами, которые просто не видели проблемы в соотношении общей воли и воли всех. Так, например, В. И. Засулич пишет, что «Руссо брал выражение “общая воля” в его точном, буквальном смысле воли *всех* (или большинства) взрослых граждан данной страны, выраженной на их общем законодательном собрании и всех их одинаково связывающей»¹¹⁴. С. Суворов в рецензии на издания «Общественного договора» полагает, что различие между «общей волей» и «волей всех» характерно для руссоистского государства мелкой буржуазии, с победой пролетариата это различие ликвидируется. «Для общей воли требуется не равенство, а общность интересов. Общая воля создается в ходе социально-экономического развития от классового к социалистическому обществу; она уже теперь слагается в организацию пролетариата»¹¹⁵.

Непонимание противоречивости принципа народного суверенитета, идеализация народной воли приводит к тому, что, неявно опираясь на этот принцип (даже не обращаясь к идеям Руссо прямо), марксистские теоретики в сущности воспроизводят руссоистское противоречие между этатизмом и анархизмом. Это видно в ленинской дилемме «диктатура пролетариата — отмирание государства», а высказывание Ленина «решительно

¹¹³ Новгородцев П. И. <Рецензия // Наст. издание. С. 562–563.

¹¹⁴ Засулич В. И. Жан-Жак Руссо // Наст. издание. С. 364.

¹¹⁵ Суворов С. <Рецензия на переводы «Общественного договора» // Наст. издание. С. 478.

никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти власти отдельных лиц нет», заставляет вспомнить представление о законодателе в «Общественном договоре», законодателе, который выражает общую волю народа и в то же время стоит над народом.

* * *

После Октябрьской революции традиция изучения взглядов «женевского гражданина» во всем их многообразии и противоречивости прервалась. Руссо был канонизирован как революционный демократ, сторонник народовластия¹¹⁶. Сама действительность не способствовала выяснению противоречий концепции народного суверенитета. К этой теме возможно стало вернуться только в 70-е годы¹¹⁷. В 1960–80-е годы возрождается интерес к личности и учению Руссо во всей их многогранности. Были изданы основные социально-политические произведения Руссо¹¹⁸. После более чем 60-летнего перерыва появилось полное переиздание «Эмиля» с «Исповеданием веры савойского викария»¹¹⁹.

В посткоммунистической России продолжается изучение творчества «женевского гражданина», многие работы посвящены Руссо как писателю, его влиянию на литературный процесс, рассматриваются противоречия в воззрениях Руссо как политического мыслителя и социолога. Однако в целом идеи Руссо, в отличие от конца XIX — начала XX века, находятся на далекой периферии общественного сознания. Одна из ключевых фигур русской общественной мысли оказалась практически забытой. И это не случайно. Когда слово «демократия» ну никак не переводится на русский язык словом «народовластие», а демократы по совместительству являются олигархами, лучше не вспоминать мысли Руссо о

¹¹⁶ См. напр.: *Бернадинер Б. М.* Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо. [Воронеж], 1940.

¹¹⁷ См.: *Соловьев Э. Ю.* Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // *Философия Канта и современность.* М., 1974.

¹¹⁸ *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М., 1969.

¹¹⁹ *Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения.: В 2 т. М., 1981. Т. 1.

том, что рост имущественного неравенства ведет к деспотизму; выгодно забыть положение, лежащее в основе европейских конституций, что источником законодательной власти является народ, а правительство должно действовать в его интересах и быть ответственно перед ним.

И думается, Россия выйдет из кризиса, преодолев ситуацию «демократии без народовластия», только тогда, когда соединит уважение неотъемлемых политических и социальных прав личности с принципом суверенитета народа.